

Tigran Amiryán
Тигран Амирян

**MEMORY
SQUARE
ПАМЯТИ
КВАДРАТ**

Tigran Amiryan
Тигран Амирян

An Essay on the Memory of Place
Эссе о памяти места

**MEMORY
SQUARE
ПАМЯТИ
КВАДРАТ**

Almaty
2018

КУЛЬТУРЫ, ВОСТЫ

- И Ленину
- Мемориал Славы
- Юридич за установление Советской власти
- У. З. Давриданскому
- И. В. Фрунзе
- И. И. Калинин
- М. Кирову
- Вокзалу
- Мемориалы Иманову
- А. Фурманову
- М. Виноградову
- Т. Даманпояеву
- П. Шелеву
- К. Джаидосову
- Мост дамбы Героев Советского Союза С. Д. Луганскому
- Героев Советского Союза генерал-майору И. В. Пантелееву
- Мост трижды Героев Социалистического Труда
- А. Кунгур
- Дамбину Горькому
- Баю Кунабаеву
- Ояну Валиханову
- Жамбулу Джабаеву
- А. Ауазову
- Шарипову

ПОРТИВНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

- Многокормия спортивный комплекс "Медет"
- Ворота спорта им. 50-летия Октября
- Ворота спорта Айна-Атыянского
- Экстремистельского комбината
- Центральный стадион
- Стадион "Локомотив"
- Стадион "Динамо"
- Стадион "Спартак"
- Стадион Казакского государственного университета им. С. М. Кирова
- Площадь
- Второй

«Золотой квадрат» – так алматинцы называют центральную часть города, где аккумулирован основной фонд архитектурного наследия южной столицы Казахстана. Для человека из города с круговым типом планировки всегда непривычно оказываться в таком пространстве [1], где протяженные, далеко друг от друга отстоящие линии улиц, пересекая друг друга, вычерчивают сетку,

The Golden Square is what Almaty citizens call the central part of the city, where most of the architectural heritage of the southern capital of Kazakhstan is found. For a person from a concentrically-planned city, it is always unusual to find oneself in such a space [1], where stretched-out, wide-spaced street lines intersect and draw a grid dividing the center into a multitude of cells. Sometimes the streets are so long that one

раздробляющую центр на множество клеток. Иногда улицы настолько длинные, что в пешеходных прогулках нередко можно утратить понимание центра как чего-то, отстраненного от периферии.

Лишь формы покрытых штукатуркой зданий и их непривычные глазу конструкции – двухэтажные кубические постройки, заменяющие пятиэтажки, облицованные солнцезащитными плитами с традиционным орнаментом – вдруг подсказывают: ты вступил в ту часть города, где различные эпохи, стили, архитектурные и градостроительные решения написали сложную и иногда не самую удобную для чтения книгу.

Облик города постепенно и неуклонно дополняется современными гигантскими гостиницами и торговыми центрами из стекла, пластика и бетонных панелей, порождая неукротимое желание стать одним из последних очевидцев раство-

often loses the understanding of the center as something detached from the periphery.

It is the forms of plastered buildings and their unusual structures – two-storied cube-shaped buildings take the place of five-story ones that are protected from the sun by façade plates with traditional ornaments – that make one suddenly realize that they entered the part of the city where different epochs, styles, architectural and town-planning solutions have written an intricate book, and at times not easy on the eye.

The face of the city is gradually and steadily filled up by modern giant hotels and shopping malls made of glass, plastic, and concrete panels, creating an irresistible desire to become one of the last eyewitnesses of a city swiftly dissolving in time. But to become an eyewitness, a spectator often means becoming an accomplice, and therefore, assuming a share of responsibility.

рящегося в потоке быстрого времени города. Но стать свидетелем, очевидцем зачастую равно стать соучастником, а стало быть, взять на себя долю ответственности. Недолгий турист, гость исследует город, желая остаться здесь надолго, чтобы найти ответы на поставленные картой вопросы не как чужой, другой, пришелец, но как местный, чье вопрошание узаконено корнями, прикрепленностью к месту. Быть очевидцем, свидетелем значит тренировать память, хотя бы в небольшом отрезке пространства, где ты оказываешься даже на самое короткое время.

Первые дни моего пребывания здесь я несколько раз обошел основные артерии квадрата, всё яснее осознавая с каждым разом: толстый слой разноцветной штукатурки скрывает прежний облик и совсем другое предназначение многих конструктивистских зданий.

Одинокие прогулки множили

A short-lived tourist, a guest explores the city, they want to stay here for a long time to find answers to the questions posed by the map, not as a stranger, the other, an alien, but as a local, whose questions are justified by their roots, by being tied to the place. To be an eyewitness, a spectator means to train memory, at least in a small stretch of space where you find yourself even for a very short time.

In the first days of my stay here, I made a few walks along the main arteries of the square, and each time the awareness in me grew that this thick layer of colored plaster hides the former look and the quite different original purpose of many constructivist buildings.

Lonely strolls about the city increased the number of questions and exacerbated my misunderstanding of this space, which tried to show me the here-and-now of life, but withheld facts about the past, like only eastern

вопросы и лишь усиливали мое непонимание этого пространства, которое пыталось показать свою здесь-и-сейчас протекающую жизнь, но умалчивало о прошлом, как может молчать лишь восточный город, с почти самурайской выносливостью и умением даже самые тяжелые беды и потери переносить стоически и безмолвно. В отличие от европейских городов – с различной полифонией из прошлого, увлекающего туриста своей роскошью, уникальностью или упадком, и настоящего – Алматы в архитектурном плане город с очень тяжелым прошлым. Это территория, где городское пространство несколько раз подвергалось кардинальным физическим и смысловым трансформациям и «архитектурным репрессиям» [2].

Подслушанные у чужих туристических групп рассказы гидов – неловкое маневрирование между историческими фактами и владением языком –

cities can, with almost samurai endurance and the ability to rub through even the gravest misfortunes and losses stoically and silently. Unlike European cities with a distinct polyphony of the past, which captivates a tourist with its magnificence, uniqueness or decline, and the present – Алматы’s architectural history is rugged. This is the territory where the urban space has been repeatedly subjected to cardinal physical and semantic transformations and “architectural repressions.” [2]

The stories overheard during the guided tours of foreign tourist’s groups – an awkward maneuvering between historical facts and the linguistic prowess – evoked nothing but a smile. By a mere chance, I got to know a local resident – the descendant of the so-called “special settlers” who were subjected to repressions of the Stalin era. My new acquaintance willingly agreed to guide me through a small area of

вызывали лишь улыбку. Но совершенно случайно мне удалось познакомиться с местной жительницей – потомком так называемых «спецпереселенцев», подвергшихся репрессиям сталинской эпохи. Моя новая знакомая охотно согласилась стать гидом по небольшому кварталу городского центра, в черте которого находился и ее дом. Весь ее рассказ был настолько увлекательным и проникнутым любовью к каждому уголку, к каждой улице, фонтану Золотого квадрата, что в какой-то момент я забывал о том, как именно ее предки оказались здесь.

Наверное, только изгнание с родины, только отрыв от корней способен открыть глаза и обострить чуткость к любому другому месту – к месту вообще.

Несколько домов в стиле советского модернизма или конструктивистские постройки сохранились достаточно свежими, регулярно реставрируются и продолжают оставаться поч-

the city center where she lived. Her whole story was so fascinating and loving to every corner, every street, to the Golden Square fountain, that at some point I forgot about why her ancestors ended up here.

Maybe it is the banishment from the homeland, the severance of the roots that can open a person's eyes and sharpen their sensitivity to any other place on earth – to a place as such.

Several buildings in the style of Soviet modernism or constructivism have survived and still look fresh, they are regularly restored and kept in almost the same form as at the beginning of the last century. I was amazed that most of the houses of the well-preserved architectural heritage we saw belonged to the so-called “KGB town.” Several blocks, once densely populated by the workers of government agencies, were surrounded by some kind of immunity lines. Apparently, being passed down

ти в том же виде, что в начале прошлого века. Меня поразило, что из хорошо сохранившегося архитектурного фонда основная часть увиденного нами домов относилась к так называемому «городку чекистов». Несколько кварталов, некогда плотно заселенных работниками государственных структур, были обведены линиями неприкосновенности. Видимо, переходя из рук одних чиновников к другим, эти жилища были под особым присмотром городских властей. Сам «городок чекистов» – это несколько улиц со знаковым местом на улице Дзержинского (сегодня – улица Наурызбай Батыра), где возле соснового парка высятся стены бывшего здания штаба НКВД.

Здесь, вероятнее всего, и принимались решения по отрыванию от места или даже от жизни миллионов таких, как я или семья моей спутницы.

Мы остановились на перекрестке возле соснового парка,

from one official to another, these buildings were under the special supervision of city authorities. The “KGB town” was located within a few streets with a notorious landmark in Dzerzhinsky Street (today – Nauryzbai Batyr Street) – the high walls of the former NKVD building near the city pine park.

Apparently, it was here that they decided that millions of people like me or the family of my companion should be stripped of their homes or even their lives.

We stopped at the crossroads near the pine park, and my guide became suddenly flooded with recollections of the childhood spent in carefree games under the pines and apple trees of these gardens. We were on a patch near the memorial to the politically repressed – a rectangular screen gravitating towards a square with a rounded empty object resembling a globe in the center, made from a metal of a different shade. To achieve three-dimensionality, the author

где на рассказчицу вдруг нахлынули воспоминания детства, проведенного в беззаботных играх под соснами и яблонями этих садов. Мы оказались на пятачке возле мемориала политическим репрессированным – прямоугольного, стремящегося к квадрату экрана, в центре которого из металла другого оттенка – округленный пустой объект, напоминающий глобус или купол юрты. Чтобы достичь объемности, автор скульптуры обвел шар контурами, пересекающимися в нескольких местах и создающими в центре композиции клетки-квадратики. В низу квадратной рамы надпись на русском и казахском языках «Музей истории политических репрессий».

Но за мемориалом музея нет. Есть старое здание НКВД, которое уже многие годы переходит из рук государства в руки частных бизнесменов, но никак не может приобрести статус музея.

of the sculpture drew contours around the globe, which intersect in several places and create square cells in the center of the composition. At the bottom of the square frame, there is an inscription in the Russian and Kazakh languages: Museum of the Political Repressions' History.

But there is no museum behind the memorial. There is an old NKVD building, which has been in transition from the state to the hands of private businessmen for many years now but has not received museum status yet.

Музей vs Память

Усилиями организаций, занимающихся исследованием сталинских репрессий, в начале 2000-х был собран архив – будущая основа музейной экспозиции в этом здании. Однако вскоре идея музея снова была отложена в сторону. Объявленный, но так и не открытый музей. Часть этого здания занимает реабилитационный центр для инвалидов, другие корпуса в основном при-

Museum vs Memory

Through the efforts of organizations involved in the study of Stalinist repressions, an archive was assembled at the beginning of the 2000s – the future basis of the museum exposition in this building. However, the idea of the museum was put aside again. The museum was declared but not opened. Part of the building houses a rehabilitation center

надлежат разного рода полицейским учреждениям.

Почти полностью перейдя во владение пенитенциарной системе другого, постсоветского государства, это здание не может стать памятником о репрессиях первой половины двадцатого века.

Обычному прохожему это здание также недоступно. Если этот мемориал и был предназначен для памяти, то память была отсюда выселена.

Само пространство находится во власти истории, которая продолжает оставаться сложной и отказывается от любого типа авторефлексии, от взгляда на собственное прошлое. Если верить тому, что современные музеи переживают не лучшее время и постепенно становятся бессмысленным складом экспонатов, то в этом значении память документируемая за пределами этого здания – с помощью этой мемориальной скульптуры - естественный про-

for the disabled, while other buildings of the complex are mostly used by various police units.

As it has passed into the possession of the penitentiary system of another, post-Soviet state, the building cannot become a monument to the repressions of the first half of the twentieth century.

Passers-by cannot get inside the building. If this memorial is supposed to remind us of what happened, then the memory has been evicted from here.

The very space is at the mercy of history, which insists on remaining complicated and shuns any type of self-reflection, any attempt to look into its own past. If we believe that modern museums are not going through the best of times and slowly turn into pointless storages of exhibits, then the memory documented outside this building with the help of the memorial is, in this sense, the natural run of things.

цесс в потоке вещей. Однако само это здание, точнее целый комплекс зданий, образовавших большой прямоугольник, целый квартал, квадрат в квадрате, само это здание отказывается быть музеем-кладбищем, чтобы похоронить свою первоначальную функцию. Оно продолжает быть настоящим кладбищем, наглухо похоронившим в подвалах и внутренних дворах память сотен тысяч людей, подвергшихся репрессиям конца 1930-х.

Возможно, этот случай не вызвал бы интерес, если бы дело обстояло лишь в сложности создания музея в здании, где производились казни. Можно было бы даже искать некий здравый смысл такой немусеизации места. В здании производились не только задержания и расстрелы, но также принимались решения по переселению, заключению и пр. мерам, сделавшим почти всю территорию Казахстана огромным ГУЛАГ-ом [3]. При

However, this very building, or, to be precise, a building complex that has formed a large rectangle, a whole block, a square in a square – the building itself refuses to be a museum-graveyard and bury its original function. It continues to be a real cemetery, having buried in its basements and courtyards the memory of hundreds of thousands of people repressed in the late 1930s.

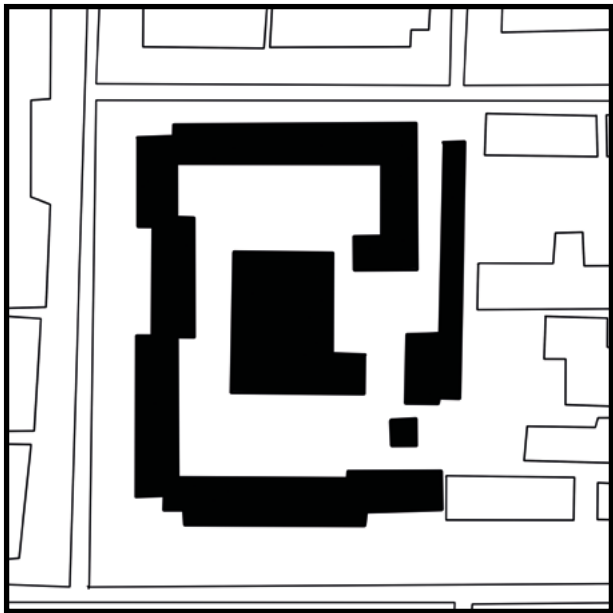
Perhaps this case would not have been of any interest if it had been only about the complexity of creating a museum in the building where executions took place. One could even see some common sense reasons for non-museifying the place in this way. Not only detentions and executions were carried out in the building, it was here that the decisions on resettlement, imprisonment, and the implementation of other measures were taken, which made almost the entire

этом, сегодняшняя борьба за каждый крошечный кусок земли в центре города – достаточно распространенное явление [4] не только в постсоветских странах, но и по всему миру. Поэтому, если новые владельцы не хотят задерживать взгляд на историческом контексте и пытаются использовать пространство более, как им кажется, рационально и адекватно для современной жизни, то такая идея – вполне распространенный синдром современности и не является чем-то исключительным.

Можно было бы предположить, что здание потеряло свою наполненность смыслом места осуществления репрессий и переходит в новый статус, предназначенный для производства нового пространства. Естественным стало бы рассеивание памяти, забывание, которое свойственно любым городам и их пространственной жизни. Такое рассеивание памяти места

territory of Kazakhstan a huge Gulag [3]. At the same time, today's struggle for every tiny piece of land in the center of the city is quite a common phenomenon [4] not only in the post-Soviet countries but all over the world. Therefore, if new owners do not want to pay attention to the historical context and try to use the space, according to their thinking, more rationally and adequately in modern realities, then such an idea is a quite common syndrome of the present time and not something exceptional.

One could assume that the building has lost its deep meaning as a place of repressions and passed into a new status intended for the creation of a new kind of space. It would be natural to dispel the memory, to forget, which is typical of any city and its life as an architectural space. Such a dispelling of the memory of the place would even fit into the well-known concept

даже укладывалось бы в известный концепт несостоятельности современного музея, точнее ее переходу в роль кладбища [5]. Память тех, кто подвергся политическим гонениям в годы Большого террора в стенах музея, была бы отдана во владение истории, но никоим образом не смогла бы сделаться частью жизни, актуальности.

В одном из телевизионных репортажей активисты и потомки репрессированных, стоя перед мемориалом, требуют восстановления справедливости, создания музея истории репрессий [6]. Концепция современного музея заставила бы нас усомниться в целесообразности их протеста: ведь память ваших предков будет собрана в этом кубическом доме, как на кладбище. Ни один музей, посвященный репрессиям, гонениям и геноцидам не успевает стать частью памяти общества данного города или страны, как превращается в лучшем слу-

of the inadequacy of the modern museum, or rather its transition to the status of a cemetery [5]. The memory of those who were subjected to political persecution during the Great Terror within the walls of the museum would have been passed into the realm of history, and there is no way it could have become a part of actual life.

In one of the television reports, activists and descendants of the repressed, standing in front of the memorial, demand the restoration of justice, the creation of a museum of repressions [6]. The concept of a modern museum would make us doubt the practicability of their protest: for the memory of your ancestors would be placed into this cubic building, as in a cemetery. No museum dedicated to repressions, persecutions, and genocides has had enough time to become a part of the social memory in a given city or country. It turns, at best, into a

чае в научный институт или – в худшем – в аттракцион для туристов, вроде музея средневековых пыток.

Но необходимо учесть тот факт, что многие из тех, кто был сослан в Алматы, или алматинцы, задержанные по обвинению в антисоветской деятельности, были не просто умерщвлены в подвалах этого здания – их останки бесследно пропадали после этого. Поэтому желание мемориализации памяти своих предков именно в этом месте вполне понятное и законное право этих людей.

Кроме того, в Казахстане, как нигде в постсоветском пространстве, сталинские репрессии и их последствия очевидны сегодня. Картина мультикультурности, которая сегодня охраняется как особенность и богатство страны, имеет довольно сложные корни. До сих пор казахстанцам хорошо знакомы слова «лагерь», «ссылный», «спецпереселенцы». Огромное

scientific institute or, at worst, into an attraction for tourists, like a museum of medieval tortures.

But it is necessary to take into account the fact that many of those who were exiled to Almaty, or Almaty residents detained on charges of anti-Soviet activity, were not just killed in the basements of this building – their remains disappeared without a trace. Therefore, the desire to memorialize the memory of their ancestors at this place is quite understandable and a legitimate right of these people.

Moreover, in Kazakhstan, like in no other country in the post-Soviet space, the Stalinist repressions and their consequences are evident today. The multiculturalism, which is now protected as the country's peculiarity and wealth, has a rather complex origin. Up to this day, the people of Kazakhstan are familiar with the words “camp,” “exile,” “special settlers.” A vast number of deportees from

количество депортированных из разных стран и городов людей составили мозаику народностей, оторванных от своего дома и вынужденных уживаться в новом месте – уживаться, если удалось сохранить жизнь.

Нежелание мультикультурного города помнить об этой травме тоже может быть объяснено многими причинами. Современное общество, часть которого некогда пострадала от политического террора, стремится забыть об этой большой травме, чтобы лучше интегрироваться в русло прогрессивного государства. Эффективность забвения: многие предпочитают попросту избегать любых упоминаний об этом зле прошлого. Никто не любит слушать подобные истории: ад «больше не выдумка, но нечто столь же реальное, как дома, камни и деревья» [7], яблоневый сад напротив здания, где только за 1938 год было зверски убито по некоторым данным 600

different countries and cities have made a mosaic of peoples, torn from their homes and forced to get along with each other in a new place – survivors learning to live together.

The unwillingness of a multicultural city to remember this trauma can also be explained by multiple reasons. Modern society, part of which suffered from political terror, seeks to forget this great trauma in order to evolve into what is known as a progressive state. The efficiency of forgetting: many prefer to avoid any mention of this evil of the past. Nobody likes to listen to stories like these: “Hell is no longer a religious belief or fantasy, but something as real as house and stones and trees,” [7] an apple orchard in front of a building where, according to some estimates, 600 people were brutally murdered is real. All the houses bordering the inner prison in the courtyard are real. The society’s reluctance to listen

человек, – реальность. Все дома, окаймляющие внутреннюю тюрьму во дворе – реальность. Нежелание общества принять рассказы о реальности – результат тотальной распространенности на поверхности города фикциональных повествований, где субъектом становится супергерой, победитель.

Мы проигравшие – не популярный тип повествования сегодня. И даже шепотом, «даже между собой мы не говорим о прошлом» [8].

Телевизионный репортаж показывает небольшую группу выживших, группу детей и внуков тех, кто был уничтожен на этом месте, а редактор новостных сводок выводит строку с надписью «Проблемы с памятью». Несколько иронический жест или плохое чувство языка в конце концов констатирует главное – проблема статуса и принадлежности (владения) здания является вторичной перед острой проблемой памяти.

to such real stories is the result of the total prevalence of fictional narratives throughout the city, stories about a superhero, a winner.

We, the losers, is not a popular type of narrative today. And even in a whisper, and “even among ourselves we don’t speak about this past.” [8]

TV report shows a few survivors, a group of children and grandchildren of those who were killed here, and the editor of news displays a line that reads “Memory problem.” A somewhat ironic gesture or a bad sense of language ultimately states the main thing – the problem of the status and ownership of the building is secondary to the acute memory problem.

Внутренняя тюрьма

Почти весь квадрат, образованный в центре города из склеенных прямоугольных корпусов, оказывается недоступным обычному прохожему. Местные жители знают лишь номера приемных некоторых корпусов, куда приносили оплаченные квитанции штрафов за нарушение правил дорожного движения и прочих штрафов. Внутренняя тюрьма

Inner Prison

Almost the entire square, formed by rectangular buildings glued together in the center of the city, is inaccessible to the ordinary people. The locals only know phone numbers of certain buildings where they had to submit fine receipts for traffic violations and other transgressions. The inner prison is impenetrable to the eye of today's reality. This is to ensure

недоступна взгляду сегодняшней реальности. Чтобы даже в самых крайних формах нашего воображения мы ни минуты не сомневались, что дисциплинарная система перестала производить расстрелы по сфальсифицированным делам, как это делалось в прошлом столетии.

Отрезки квадрата, наметенные на городских картах проездами или пешеходными дорогами, изредка и с неохотой пропускают служебные машины, чтобы тотчас затвориться вновь. В небольшой квадратной щели, образованной темными воротами на короткое мгновение мелькает холодный взгляд дежурного, привычно защелкивающего замок.

Закрытый, герметичный квадрат. Простому смертному вход воспрещен. Чтобы оказаться внутри, нужно примерить точно определенные роли подсудимого или стража закона. Есть только один способ попасть внутрь квадрата – фикцио-

that even in our most daring imagination, we would not doubt the fact that the disciplinary system has ceased to execute people on fabricated cases like it happened in the last century.

Parts of the square indicated on city maps as passages or pedestrian alleys, occasionally and reluctantly let in official cars only to quickly shut the outer world off again. In the small opening in the dark gate, a cold glance of the duty officer can be seen briefly as he habitually snaps the lock shut.

A closed, impenetrable square. Ordinary people are barred from entering. To get inside, you need to try on either a role of a defendant or that of a guardian of the law. There is only one way to get inside the square – a fictional text. What I am writing here is not news for those who, for many years, have been actively following the process of memorialization of the memory of the repressed during the years

нальный текст. То, о чем я пишу здесь, не новость для тех, кто многие годы активно следит за процессом мемориализации памяти репрессированных в годы сталинского террора. Внутренность «серого здания» многим хорошо известна по описанию в художественной литературе, мы знаем о происходившем здесь из романа, который вымысел сочетал с реальностью в качестве защиты от ее же параноидальности и жестокости [9], знаем из автобиографических текстов [10].

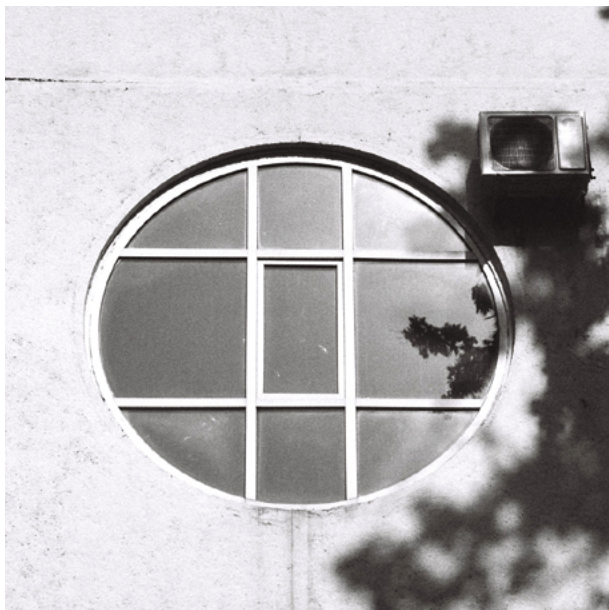
Небольшая группа людей в телевизионном репортаже мало похожа на рьяных активистов, это не сторонники музеизации истории. Вероятно, это малое общество лишь отчаяно призывает большой социум разорвать преемственную цепь охранителей – стоящих за воротами сегодня, принявших эстафету у тогдашних, из 30-х годов. Музей репрессий – не просто желание этих людей или их

of Stalin's terror. The interior of the "gray building" is well known to many by its description in literature, we know about what happened here from a novel that combined fiction and reality as a defense mechanism against the latter's own paranoid nature and cruelty [9], we know it from autobiographical texts [10].

A small group of people in a television report is little like zealous activists, they are not supporters of the museumification of history. Probably, this small society is only desperately urging a larger society to break through the succession of guardians standing outside the gates today, who took the baton from their colleagues from the 30s. A museum of repressions is not just what these people want, it's not their personal request. This is a necessity in order to break this chain of silent towers. Something that would destroy the homogeneity

личная просьба. Это необходимость для того, чтобы разорвать эту цепь немолчаливых башен. Объект, разрушающий гомогенность и монументальность устрашающего квадрата.

Возвращаться к этой теме – непросто. Сделать это можно посредством художественной литературы или через личные повествования тех, кому нет покоя от однажды увиденного внутри оцепленного квадрата. То есть – варианты только два: художественная литература или автобиография, изначально рассчитанная на тренировку памяти [11].

and monumentality of the intimidating square.

It is not easy to revisit this theme. This can be done through fiction or through personal narratives of those who can't find peace after they have once seen inside the cordoned square. It means there are only two options: literature or autobiography, originally designed for training the memory [11].

BEEM

«Музей»

Между административными зданиями втиснут небольшой трехэтажный дом с круглыми окнами на верхних этажах. Здание принадлежит так называемому Музею искусств «Умай», сформировавшемуся в конце 1990-х. По всей видимости, здание было построено в начале 1930-х годов и являлось частью «городка чекистов».

На одном из казахстанских

“Museum”

A small three-story house with round windows on the upper floors is squeezed in between the administrative buildings. The house belongs to the so-called museum of arts that goes by the name “Umai.” It was formed in the late 1990s. Apparently, the house was built in the early 1930s and was part of the “KGB town.”

On one of Kazakhstan’s websites with addresses and

сайтов с адресами и описаниями различных услуг мы находим описание этого места дополненное следующими размышлениями:

«Посещение музеев – спокойный способ провести время, который по душе самым разным людям. Они подкупают своей особенной атмосферой и позволяют посетителям расширить кругозор».

Большие круглые окна верхних этажей этого здания – яркий акцент посреди множества однообразных квадратных и прямоугольных форм, из которых состоят сопологающие конструкции. В дополнение к анонсированному статусу «музея» и «культурного центра» здание должно было стать пространством открытости и освобождения от герметичности исправительного квадрата. Но все надежды тают, стоит только распахнуть двери здания и оказаться в – как то и полагается конструктивистским зданиям – объемном и просторном фойе.

Боковые коридоры затоплены

descriptions of various services, there is a description of this place supplemented with the following reflections:

“Visiting a museum is a quiet leisure activity which is to the liking of a wide variety of people. They win you over by a peculiar atmosphere and allow visitors to learn something new.”

Large round windows of the building's upper floors – a bright accent in the midst of a multitude of monotonous square and rectangular forms that make up the surrounding structures. In addition to the announced status of a “museum” and “cultural center,” the building should have become a space of openness and freedom from the impenetrability of the correctional square. But all hopes start vanishing as soon as one opens the doors of the building and finds oneself inside – as it is with constructivist buildings – a voluminous and spacious foyer.

Side corridors are drowned

темнотой, которую безнадежно пытаются нарушить тусклые лампы дневного света. Плохое освещение и затхлый воздух коридоров в точности воссоздают атмосферу казарменных госпиталей или тюремных коридоров начала прошлого века. Прямо перед входной дверью резко возникает широкая плоская лестница, ведущая к противоположной стене, в которой вырезано большое прямоугольное окно. Основной фонд музея расположен в одном из коридоров первого этажа, другая часть занята художественными мастерскими для детей. Но у пришедшего сюда почти нет шансов заинтересоваться тем, что находится вокруг – огромное прямоугольное окно является основным источником света, словно зазывая зрителя быстрее подняться по ступеням к себе, чтобы выйти из полутьмы.

Окно в человеческий рост становится объемным всепоглощающим экраном, в котором открывается мрачный пейзаж

in the darkness which dim light fluorescent lamps are trying to counter with no particular hope. Lighting and the musty air of the corridors accurately recreate the atmosphere of hospitals in the barracks or prison corridors of the beginning of the last century. A wide flat staircase springs to the eye right in front of the entrance door. It leads to the opposite wall with a large rectangular window. The main fund of the museum is located in one of the corridors of the first floor, the other part is occupied by art workshops for children. But a visitor has almost no chance of getting interested in what is around – a huge rectangular window cut out in the wall is the main source of light, as if calling the viewer to climb up the stairs to escape the semi-darkness.

The tall window becomes a voluminous all-absorbing screen looking out into a gloomy landscape of the inner KGB-NKVD courtyard. A few meters away from you, there is the barbed

внутреннего двора КГБ-НКВД. В нескольких метрах от тебя верхняя часть стены, обвитая колючей проволокой, и глухие стены пристроек и двухэтажных корпусов. Этот прямоугольный экран в силу своей освещенности и размеров не просто привлекает внимание, но повторяется этажом выше, дублируя этот урбанистический пейзаж, показывая реальность колючих шипов, которые несколько минут назад мы видели на мемориале, посвященном жертвам политических репрессий. Регулярно по этой лестнице поднимаются дети, которые приходят сюда на уроки хореографии, вокала и рисования. Так как просторные круглые окна, которые украшают фасад здания, не видны за запертыми дверьми кабинетов, то картиной реальности становится именно этот прямоугольный экран. Живописные картины, этюды соц-реализма, составляющие основной фонд музея, хаотично и без подписи развешены на стенах

wire on the top of the wall, and the blank walls of extensions and two-story buildings. This rectangular screen, luminous and large, not only attracts attention but repeats itself on the next floor, duplicating this urban landscape, showing the reality of thorns that we saw a few minutes ago at a memorial dedicated to victims of political repressions. Children are frequent visitors here – they come for choreography, singing, and drawing classes. Since the spacious round windows that adorn the facade of the building are not visible from behind the locked doors of the offices, this rectangular screen alone becomes the picture of reality. Picturesque paintings, sketches of socialist realism, which form the main fund of the museum, are hanging on the walls of the corridors unsigned, alternating with the names of organizations and designer office walls' painting.

It is impossible to imagine the future of this building, and the

коридоров, чередуясь с названиями организаций и дизайнерскими решениями покраски стен офисного помещения.

Невозможно представить будущее этого здания, как и этого места в целом, но интерьер и само внутреннее устройство – одно плотное повествование о его прошлом: мрачном и травматическом. Общая память, монолитная, монологическая, всегда подвержена деформации под воздействием того или иного политического режима.

Фрагментирование памяти, так же как и фрагментация пространства, всегда дает возможность хотя бы частичного приятия трещин прошлого. Возникнут ли трещины между плотно прилегающими кубическими корпусами полицейских участков и секретных зданий, чтобы оголить внутренний двор этого места, чтобы пролить свет на тьму, затопившую подвалы, где совершались тысячи преступлений?

place as a whole, but the interiors and the layout of the inside space present one dense narrative about its past: gloomy and traumatic. The common memory, monolithic, monologic, is always susceptible to deformation under the influence of a particular political regime.

Fragmentation of memory, as well as fragmentation of space, always allows to at least partially accept the cracks of the past. Will there be cracks between the tightly fitting cubes of police stations and secret buildings to expose the inner courtyard of this place and shed light on the darkness hiding in the basements where thousands of crimes were committed?

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ОПЫТНОЙ АГРОНОМИИ

Отдел Прикладной Энтомологии

ТРУДЫ ПО ПРИКЛАДНОЙ
ЭНТОМОЛОГИИ

Вып. XIII
под редакцией Заведующего
Отделом Проф. В. П. Поспелова.

STATE INSTITUTE
OF EXPERIMENTAL AGRONOMY
Bureau of Applied Entomology

WORKS ON APPLIED
ENTOMOLOGY

Edited by Prof. V. P. Pospelov,
Director of Bureau.
Vol. XIII.

ВРЕДНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ

В С.С.С.Р. В 1921—1924 г.г.

под общим руководством уч. спец. И. Н. Филиппева.

Вып. 1.

И. Н. ФИЛИППЕВ.

ВВЕДЕНИЕ.

Выписка из протокола от 25 января 1936 года совещания комитета науки по вопросу создания в г. Алма-Ате зоологического парка.

Присутствовали представители: от Комитета науки т. Толебаев, Академии наук проф. Бирюля, Наркомзема т. Рябова, управления охраны НКВД т. Митский, спортивно-охотничьего комитета ВСФК т. Мильченко и т. Саминчук.
4. Обсуждение вопроса об организации в г. Алма-Ата зоопарка (докладчик тов. Толебаев М.).

По вопросу об учреждении в городе Алма-Ата зоопарка совещание считает, что с культурным ростом Казахстана является большая необходимость в организации зоопарка в гор. Алма-Ата учреждения, которое сыграет большое научно-культурное значение для всего края, тем более что Казахстан богат всеми объектами животных и птиц, которые идут на снабжение зоопарков всего Союза.

Для определения места под зоопарк, составления плана и сметы, создать комиссию: от горсовета – Нагаева и московского архитектора Гуревича, Академии наук – проф. Бирюля, проф. Троицкого Комитета науки – Толебаева, ВСФК – Мильченко, от Госплана – т. Попова, от Наркомпроса проф. Гаврилова, от Управления лесами Казнаркомзема т. Рябова и от ГорЗО (...), которой поручить представить на рассмотрение президиума горсовета на 19 февраля 1936 года.

П.п. Председатель
Толебаев.
Секретарь
Мильченко.
Выписка верна:

Приложение

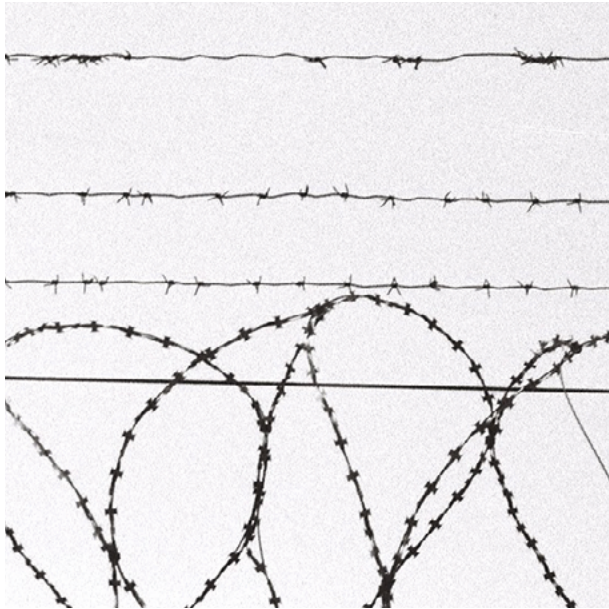
В подвалах здания НКВД города Алматы умирали в ходе насильственных допросов, пыток и были расстреляны сотни и тысячи невинно осужденных. Жертвами политического террора в 1930-е годы становились как обычные люди, так и представители интеллигенции, сосланные в КазССР по сфабрикованным делам из других республик Союза, местная интеллектуальная элита. Многие были реабилитированы посмертно лишь в начале 1990-х годов.

В числе подвергшихся репрессиям были те, кто стоял у истоков алматинского зоопарка. Зоологический парк, в отличие от Музея репрессий, как пространство сформировалось и существует по сей день, занимая одну из зеленых зон восточной части города.

Appendix

Thousands of innocently convicted people were tortured to death during interrogations or executed in the basements of the Almaty NKVD building. Among the victims of political terror of the 1930s were ordinary people, as well as representatives of the intelligentsia, exiled to KazSSR on fabricated charges from other republics of the Soviet Union, who became the local intellectual elite. Many were rehabilitated posthumously only in the early 1990s.

Among those repressed were the founders of the Almaty Zoo. The Zoological Park, unlike the Museum of Repressions, has been formed as a public space and exists to this today, occupying one of the green areas of the eastern part of the city.

Филиппев Иван Николаевич (1889 - 1938)

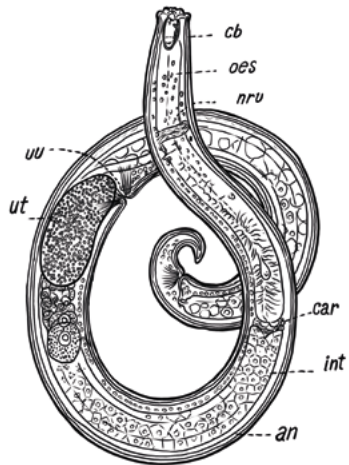
Русский и советский зоолог, энтомолог, гельминтолог, один из основоположников фитогельминтологии, член Французского энтомологического общества, член Вашингтонского гельминтологического общества. Научные работы Филиппева, посвященные нематологии, гельминтологии, энтомологии и зоологии были переведены на французский, английский и другие языки. До сих пор его труды активно цитируются зоологами в разных странах. Последние годы жизни и научной деятельности связаны с Алма-Атой. Он был одним из крупнейших в СССР специалистов по защите растений. Наиболее важной является его работа «Нематоды вредные и полезные в сельском хозяйстве» (1934). В его честь был назван вид дневных бабочек эндемичный России – *Голубянка Филиппева*.

Расстрелян в подвалах здания НКВД г. Алма-Аты.

Ivan Philippev (1889 - 1938)

Russian and Soviet zoologist, entomologist, helminthologist, one of the founders of phytohelminthology, a member of the French entomological society, a member of the Washington Helminthological Society. Philippev's scientific works on nematology, helminthology, entomology, and zoology were translated into French, English, and other languages. His works are still actively cited by zoologists in different countries. The last years of his life and scientific work were connected with Alma-Ata. He was one of the largest plant protection specialists in the USSR. One of his major and most important works is "Nematodes harmful and beneficial for agriculture" (1934). A species of the day butterflies–Lycaenidae–endemic to Russia was named in his honor.

Shot in the basements of the NKVD building in Alma-Ata.

Mononchus papillatus Bastian

Троицкий Николай Николаевич (1887 - 1938)

Профессор-энтомолог, крупнейший специалист по вопросам иммунитета сельскохозяйственных культур в отношении энтомологических вредителей, в частности, по иммунитету плодовых культур против кровяной тли, филлоксеры на винограде и по иммунитету злаков против физиологических вредителей. Разрабатывал теоретические вопросы по экологии и иммунологии, применительно к селекции сельскохозяйственных растений, являлся одним из видных теоретиков этой области. Он проделал значительную работу по зоогеографическому районированию и анализу фауны отдельных районов Казахстана по климатическому признаку. Неоднократно был в заграничных командировках в ряде европейских стран. До середины 1930-х опубликовал более 70 фундаментальных работ, в том числе и в зарубежных изданиях.

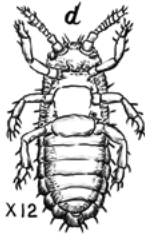
Расстрелян в подвалах здания НКВД г. Алма-Аты.

Nikolay Troitsky (1887 - 1938)

Professor-entomologist, a foremost expert in the area of crop immunity against entomological pests, in particular, on the immunity of fruit crops against bloody aphids, phylloxera, on grapes, and on the immunity of cereals against physiological pests. He worked on theoretical questions in ecology and immunology and their application to the selection of agricultural plants, was one of the prominent theoreticians in this field. He has done considerable work on zoogeographical zoning and analysis of the fauna of certain regions of Kazakhstan on the basis of climatic features. He repeatedly went to a number of European countries on business trips. Until the mid-1930s, he published more than 70 fundamental works, including in foreign publications.

Shot in the basements of the NKVD building in Alma-Ata.

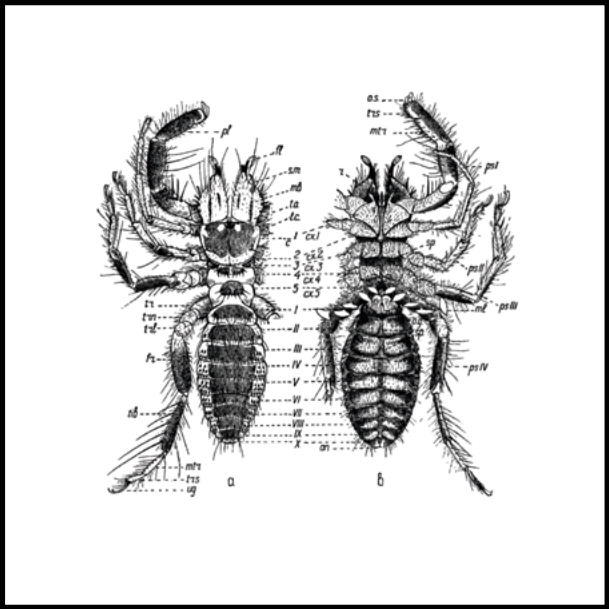
Phylloxera

Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864-1937)

Русский и советский зоолог, зоогеограф, член-корреспондент АН СССР (1923). Основные труды Бялыницкого-Бирули посвящены изучению паукообразных. Его знаменитая книга “Фаланги. Solifuga”, вышедшая в свет после его смерти, стала классическим исследованием солифугиевых и широко цитируется биологами во многих странах мира. Бируля участвовал в крупных арктических экспедициях в начале XX века. Его именем названы вид растений - *Cerastium Bialynicki A. Tolm*, а также залив и гора на побережье полуострова Таймыр, река на севере острова Новая Сибирь. Исследования профессора Шамиля Мамедова и искусствоведа Ольги Сергиенко доказывают, что Бируля был расстрелян в подвалах здания НКВД г. Алма-аты.

Alexei Bialynitsky-Birulya (1864-1937)

Russian and Soviet zoologist, zoogeographer, corresponding member of the USSR Academy of Sciences (1923). The main works of Bialynitsky-Birulya are devoted to the study of arachnids. His famous book “Phalanges. Solifuga,” published after his death, has become a classic study of solifuga and is actively cited by biologists in many countries around the world. Birulya participated in major Arctic expeditions in the early 20th century. His name was given a plant—*Cerastium Bialynicki A. Tolm*, as well as a bay and a mountain on the coast of the Taymyr Peninsula, a river in the north of the island of New Siberia. Studies by Professor Shamil Mamedov and art historian Olga Sergienko prove that Birulya was shot in the basements of the NKVD building in Almaty.

Примечания

1. Описанное пространство является моделированием общественной жизни, строго подчиненной политической идеологии советского периода. Говоря о различных по своей форме городских пространствах, я осознаю, что все советские столицы, как и многие другие города, были своеобразной экспериментальной попыткой рационализации жизни народов, живущих на этих территориях. Круг, квадрат, прямоугольник, треугольник – любая доминирующая форма сегментации города и движения в нем в советских республиках имела одинаковую цель подчинения и рационализации общественного быта, повседневности. Поэтому наши привычки лишь на первый взгляд говорят о том, что у нас различные представления о городе, доме, движении. В реальности мы приходим из одинокого пространства тотального подчинения политической идеологии прошлого.

2. См. фундаментальную работу о судьбах репрессированных архитекторов в книге *Малиновская Е.Г. «Репрессированная архитектура» - сталинские новостройки, творчество и судьба архитекторов* / Елизавета Малиновская. – Алматы: ARK Gallery, 2018.

3. Общеизвестным являются такие черные

Notes

1. The described space is modeling the social life that was strictly subordinated to the political ideology of the Soviet period. Speaking of urban spaces that vary in form, I realize that all the Soviet capitals, like many other cities, were a kind of an experimental attempt to rationalize the lives of the peoples inhabiting these territories. Circle, square, rectangle, triangle – any dominant form of a city's segmentation and the movement in it in the Soviet republics had the same goal of subordination and rationalization of everyday social life. Therefore, it is only on the face of it that our habits indicate that we have different ideas about the city, the house, the movement. In reality, we come from a lonely space of total submission to the political ideology of the past.

2. See the fundamental work on the fate of repressed architects by *E. G. Malinovskaya "Repressed architecture" – Stalin's housing developments, creativity, and the fate of the architects* / Elizaveta Malinovskaya. – Almaty: ARK Gallery, 2018.

3. Well-known are such black pages of the history of Kazakhstan as the experience of the Karaganda correctional labor camp (KarLag), the Akmola Prison Camp for the Wives of Traitors of the Motherland (ALZHIR).

страницы истории Казахстана, как опыт Карагандинского исправительно-трудового лагеря (КарЛаг), Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР).

4. Похожая проблема возникает во многих городах постсоветских стран. Примером борьбы за создания музея репрессий может служить и история с московским зданием по адресу ул. Никольская, 23. Подробности см. на сайте <http://zamuzey.ru/>

5. См. *Гройс Б. В потоке* – М.: Гараж, 2018.

6. Новостные сводки приводят указ президента страны, который еще в начале 2000-х подписал решение о создании мемориального музея. Музей почти начал выстраиваться, собравшиеся в разных местах архивные материалы попытались перевести сюда, но частные владельцы здания опять изгнали музей из этих стен, так как приобрели это строение.

7. *Арендт. Мы беженцы* / пер. Е. Монастырского : <http://gefter.ru/archive/18962>

8. Там же.

9. Действие романа *Факультет ненужных вещей* Юрия Домбровского разворачиваются в этом здании НКВД. См. *Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей.* – М.: Советский писатель, 1989.

10. См. *Шрейдер М. П. НКВД изнутри: Записки чекиста.* – М.: Возвращение, 1995.

11. Нужно отметить, что тема памяти достаточно хорошо разработана в контексте современного искусства Казахстана. Поразительными по своей рецептивной мощности и художественной чуткости являются работы Асель Кадырхановой, Александра Угай, Сырлыбека Бекботаева и многих других. См., например, Арт-проект *1937: Территория Памяти / Жоқтау: Каталог.* – Алматы: 2013. – 168 с.

4. A similar problem is characteristic of many cities of the post-Soviet space. The story of the building at 23 Nikolskaya Street in Moscow is one example of the struggle for establishing a museum of repressions. The details can be found at <http://zamuzey.ru/>

5. See *Boris Grays. In the flow* – M.: Garage, 2018.

6. News reports tell about the decree of the president of the country, who signed the decision to create a memorial museum in the early 2000s. The museum was almost started, archival materials from different places were to be transferred here, but the private owners who purchased the building once again drove the museum out of these walls.

7. *Arendt H. We Refugees // Altogether Elsewhere: Writers on Exile.* Ed. by M. Robinson. Faber and Faber, 1994. P. III.

8. *Ibid.*

9. The action of the novel *The Faculty of Useless Knowledge* by Yuri Dombrovsky takes place in this NKVD building. See *Dombrovsky Yuri. The Faculty of Useless Knowledge.* – Moscow: Soviet writer, 1989.

10. See *M.P. Shreider. Inside the NKVD. Notes of a CHEKA officer.* – M.: Vozvrashchenie, 1995.

11. It should be noted that the subject of memory is well developed in the context of contemporary art in Kazakhstan. Works of Assel Kadyrhanova, Alexander Ugay, Syrlybek Bekbotaev and many others are striking in their perceptive power and artistic sensibility. See, for example, Art-project *1937: The Territory of Memory. Zhoktau: Catalog.* – Almaty: 2013. – p.168.

Memory Square. An Essay on the Memory of Place
Квадрат памяти. Эссе о памяти места

Text and photos **Tigran Amiryan**

Editor **Patric Sarrasin**

Design **Harutyun Tumaghyan**

Layout design **Klim Gretchka**

Translated into English by **Anton Platonov**

For their support during the working process,
special thanks to: **Olga Vesselova & Olga Sergienko**

